

Чу Хуайцинъ тоже немного нервничал, глубоко вздохнул и, держась одной рукой за столбик тента катера, наклонился вниз, чтобы дотянуться до двигателя...

Расстояние от двигателя до третьего ряда было довольно большим. Если бы катер стоял на месте, пришлось бы вытянуться почти наполовину, чтобы дотянуться до него. Но сейчас катер нёсся на высокой скорости, и вытянуться так далеко было крайне опасно, так как можно было легко вылететь за борт. Однако убрать рыбу было необходимо.

Когда Чу Хуайцинъ уже собирался вернуться, сзади ему протянули нож. Обернувшись, он увидел Линь Чжинань с влажными глазами. Она держалась за железный столбик, раскачиваясь вместе с катером, и её голова то и дело ударялась о столбик.

Чу Хуайцинъ взял нож и снова наклонился вперёд.

Зрители прямого эфира, наблюдая за опасными действиями Чу Хуайцинъ, нервничали и мысленно поддерживали его. Когда он начал использовать нож, расстояние всё ещё было большим, и он медленно вытягивался вперёд. Все затаили дыхание, молясь в душе.

Нож качался вместе с катером, и Чу Хуайцинъ несколько раз не мог попасть в застрявшую рыбу. Наоборот, из-за случайных ударов по ещё живому существу, из его жабр хлынула кровь. Видя, что акула всё ещё близко, Чу Хуайцинъ сжался и крикнул Ся Шану:

— Сбавь скорость, слишком быстро, не могу дотянуться, сбавь на два узла.

В шуме ветра и волн спереди его не было слышно, и Су Хуайчэнь передал сообщение. Ся Шан, сдерживая желание обернуться, начал постепенно сбавлять скорость. Катер немного стабилизировался, и Чу Хуайцинъ наконец смог дотянуться ножом до головы рыбы. Ему оставалось только надавить, чтобы сбросить её в море. И он так и сделал. Но в этот момент снижение скорости позволило акуле догнать их, и её огромная пасть снова раскрылась, вызывая ужас. Если бы она захотела, то могла бы схватить Чу Хуайцинъ вместе с катером...

— У-у-у!

Снова резкий разгон, и катер снова оторвался от акулы. Акула, не успев схватить добычу, упала в воду, захлопнув пасть на пустоте.

В этот момент нож Чу Хуайцинъ надавил, и рыба наконец упала в море. Быстрый катер поднял волну, которая смыла кровь с двигателя. Но Чу Хуайцинъ, вытянувшийся почти наполовину, в этот момент был сброшен за борт.

— Братец!

— А-а-а!

Линь Чжинань, сидевшая на третьем ряду, протянула руку, но не смогла схватить его. Зрители прямого эфира закричали, а режиссёрская группа в студии вскочила с мест, не веря своим глазам...

— Бум!

Чу Хуайцинъ с грохотом упал в воду, боль пронзила его грудь и спину. Под тяжестью он начал тонуть. Голова закружилась, и в памяти всплыли тёмные воспоминания. Руки в воде сжались в кулаки, тело напряглось.

Чу Хуайцинъ, пока ещё в сознании, стиснул зубы, прикусив губу до крови. Боль прояснила разум. Открыв глаза, он увидел, как вдалеке акула широко раскрыла пасть и схватила окровавленную рыбу. Затем она повернула голову, мельком взглянула на Чу Хуайциня и уплыла.

Чу Хуайцинъ: ...

Хотя ты уплыла, но я всё ещё не могу пошевелиться!

Вода продолжала заливаться в рот, и Чу Хуайцинъ медленно закрыл глаза. На этот раз, кто придёт его спасти? Ся Шан?

Чу Хуайциню показалось, что он видит сон, возвращаясь в свои пятнадцать лет, когда он привёл домой избитого мальчика из переулка.

То место нельзя было назвать домом, это была просто маленькая квартирка в трущобах, одна комната и гостиная. Мать была в больнице. Упрямый ребёнок, которого он подобрал, поселился здесь, не отвечая на вопросы о том, откуда он и как его зовут, словно немой.

Пятнадцатилетний подросток, чья мать постоянно находилась в больнице, учился днём и занимался боксом по вечерам, всегда был одинок. Наконец появился ребёнок, который составил ему компанию, и Чу Хуайцинъ не обращал внимания на его молчаливость.

Он тихо сидел там, красивый, как фарфоровая кукла, и Чу Хуайцинъ был очень рад. Он давал ему всё самое лучшее, что у него было, и ребёнок тоже был забавным. Когда Чу Хуайцинъ шёл в школу, он ждал его у ворот. Когда он занимался боксом, ребёнок стоял у ринга, слёзы на глазах, кусая губу, сжимая кулачки и глядя на противника с яростью, словно маленький котёнок, готовый броситься в атаку.

Но как же выглядел тот ребёнок? Он не мог вспомнить...

— Кх-кх!

Чу Хуайцинъ слегка кашлянул и открыл глаза, увидев склонившегося над ним Ся Шана с красными глазами.

— Тебе где-то ещё плохо? — голос Ся Шана был хриплым, и, увидев, что Чу Хуайцинъ пытается сесть, он поспешно помог ему. — Голова не кружится?

Чу Хуайцинъ покачал головой, оглядевшись. Неподалёку стояли врач и члены режиссёрской группы, а рядом — его команда.

Он лежал на пляже, позади был лес, а впереди — море. Вода была прозрачной, на дне виднелись камни и мелкие рыбки.

— Мы уже на Смотровом острове? — Чу Хуайцинъ сел, горло немного першило, он снова кашлянул и выпил воду, которую протянула Линь Чжинань.

— Да, тебе точно нигде не плохо?

— Нет, а кто меня спас?

Это было важно.

— Я.

Ся Шан понимал, что имел в виду Чу Хуайцинъ. Если бы его спасли члены режиссёрской группы, он мог бы выбыть из игры.

Когда Чу Хуайцинъ упал в воду, всё произошло так быстро, что режиссёрская группа не успела среагировать. Катер Ся Шана развернулся, и, пока водолазы прыгали в воду, он тоже нырнул, опередив их и спасая Чу Хуайциня.

В процессе они только радовались, что Чу Хуайцинъ сначала просто погрузился под воду из-за силы тяжести, но, благодаря спасательному жилету, быстро всплыл. Однако он уже потерял сознание, и Ся Шан, словно обезумев, плыл к нему, крича и рыдая. В тот момент все думали, что случилось что-то ужасное.

Ся Шан, с красными глазами, закончил рассказ и, опустив голову, медленно наклонился к Чу Хуайциню, положив голову ему на плечо и заплакав.

Чу Хуайцинъ: ...

Эмоции Ся Шана затронули и остальных. Линь Чжинань первой не выдержала и разрыдалась. Монашек и Су Хуайчэнь последовали её примеру, и вскоре вокруг царила атмосфера печали.

Зрители прямого эфира тоже прослезились, особенно зрители из Государства Хуа, плача так, что, казалось, земля дрожала.

Человек в безопасности, и это главное.

На месте, помимо плачущих Ся Шана и его команды, были и ассистенты режиссёра, у которых тоже навернулись слёзы. Чу Хуайцинъ не стал утешать последних, а лишь слегка похлопал Ся Шана по спине, успокаивая:

— Не плачь, ну, я же в порядке, правда?

Едва он закончил, Линь Чжинань прижалась к нему, обняв его руку и продолжая плакать. Монашек, не найдя места, прижался к его спине, громко рыдая.

В этот момент Чу Хуайцинъ почувствовал, как у него зазвенело в ушах.

Взглянув на Су Хуайчэня, который молча вытирал слёзы, он с облегчением подумал, что хорошо, что тот не присоединился к этой суматохе.

— Я голоден.

Чу Хуайцинъ вздохнул. Обычно он мог успокоить людей, но сейчас, когда трое рыдали, он растерялся и не знал, что делать.

— Я, я поймаю рыбу, — Ся Шан мгновенно поднялся, вытер слёзы и ушёл, стараясь сдержать слёзы.

— Я, я разожгу костёр, ик! — Линь Чжинань, икнув, тоже встала и ушла.

Наконец, освободившееся место занял монашек, обняв Чу Хуайциня за шею и продолжая громко плакать.

Чу Хуайцинь, нервно дёрнувшись, отстранил монашка, потянул его к себе и внимательно посмотрел в глаза.

— Я голоден.

Монашек моргнул, смахнув слёзы. Через несколько секунд он понял и поспешно встал, заявив, что пойдёт ловить морских ушек и голотурий, чтобы подкрепить Чу Хуайциня.

Вскоре на месте остались только Су Хуайчэнь и Чу Хуайцинь.

— Старший, ты всё ещё плачешь? — Чу Хуайцинь встал, отряхнулся и заметил, что на нём уже другая одежда, а на земле лежало сложенное одеяло.

— Почему ты их не упрекнул, — Су Хуайчэнь сдержал слёзы и подошёл к Чу Хуайциню. — Тогда я должен был тебя остановить, и ты бы не упал.

— О чём ты? При такой скорости даже два человека бы вылетели. Но я кое-что обнаружил.

— Что?

Чу Хуайцинь ничего не сказал, а лишь посмотрел на дрон. Вскоре режиссёр Ли понял его намёк, и камера отъехала. Микрофоны Чу Хуайциня и Су Хуайчэня были отключены, и с наручных часов раздался голос режиссёра Ли.

[Расскажи, что случилось.]

<http://bllate.org/book/16333/1475010>